

Лесные командировки Соловецкого лагеря в Карело-Мурманском крае. 1929–1931 гг.

Статья посвящена одной из малоизученных страниц истории исправительно-трудовых лагерей в СССР, относящейся к концу существования Соловецкого лагеря особого назначения и началу складывания системы ГУЛАГ. Этот эпизод имеет особую значимость для истории – он ознаменован довольно известным международным скандалом, который вскрыл преступность новой системы и отчасти спровоцировал ее будущее глубокое засекречивание. Речь пойдет о лагерных лесозаготовительных работах, которые велись на побережье Кандалакшского залива Белого моря вдоль линии Мурманской железной дороги в 1929–1931 гг. Два этих года были периодом колоссального разрастания Соловецкого лагеря и лихорадочных преобразований его структуры, приведших в итоге к упразднению Управления Соловецких лагерей и созданию Беломорско-Балтийского лагеря.

СЛОН был убыточен – новая лагерная система должна была не просто приносить прибыль, но и решать важнейшие для экономики государства задачи. Первая и главная ставка изначально делалась именно на заготовки древесины, поэтому лесных подразделений лагеря – «командировок» – в 1929 г. в этой местности появилось особенно много. Заготовленный лес шел преимущественно на экспорт и продавался по сравнительно низким ценам, т.к. лагерная продукция имела невысокую себестоимость. Эта практика довольно быстро привела к негативной реакции на международном уровне: в 1930 г. целый ряд ведущих держав высказался за бойкотирование советских товаров, дешевизна которых объяснялась применением на производстве принудительного труда. Прямым следствием скандала стало прекращение лагерных лесных работ на участках вдоль Мурманской железной дороги. Таким образом, активные лесозаготовки Соловецкого лагеря на побережье Кандалакшского залива продолжались не более двух сезонов (1929–1930; 1930–1931 гг.).

Архивных источников, отражающих этот недолгий, но важный эпизод лагерной истории, практически не сохранилось – едва ли не единственным официальным документом, содержащим некоторую информацию о структуре и положении дел в береговых отделениях Соловецкого лагеря, к которым относились командировки, представляются отчетные документы комиссии А. М. Шанина (апрель 1930 г.)¹ Другим немаловажным источником являются публикации в лагерной прессе, прежде всего в газете «Новые Соловки», где в номерах за 1930 г. регулярно публиковались заметки, рапортующие о ходе работ на лесозаготовительных дистанциях². Очень

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 116. Л. 1–3, 74–76; 79–82; 95–98, 102–123.

² Новые Соловки. 1930. №№2; 3; 4; 6; 7; 9; 17; 21; 22; 24; 25; 27; 28; 30; 33.

ценны сведения мемуарных документов – несколько воспоминаний бывших заключенных и одного сотрудника Соловецкого лагеря, при всех неточностях, неизбежно присутствующих в такого рода текстах, представляют многие подробности организации работы и быта лесных командировок³. Информация письменных источников, оставляющая в тени многие важнейшие детали (в том числе расположение конкретных лагерных пунктов) в последнее время пополнилась результатами полевых исследований – Международным Мемориалом было проведено две экспедиции (2015 и 2016 гг.), посвященных поиску, фиксации и первичному изучению сохранившихся следов командировок, прежде всего остатков лагерных построек⁴. Обобщенную картину того, что удалось понять при исследовании всех этих источников, я и постараюсь здесь представить. В статье будут рассмотрены основные аспекты становления лагерной лесной промышленности в целом и в Карело-Мурманском крае в частности; представлены организация лесных командировок и положение заключенных, отражение международного скандала на повседневной жизни лагеря и его значение для системы.

Становление лагерной лесной промышленности

С момента основания Соловецкого лагеря особого назначения в 1923 г. лесозаготовки были одним из основных занятий заключенных – поначалу, впрочем, не приносящим никакой прибыли. В отчете о первой инспекции лагеря, составленном В. Д. Фельдманом в сентябре 1923 г., еще до официального создания СЛОН (т.е. до утверждения положения о нем, хотя сам лагерь, в котором содержалось более трех тысяч заключенных, уже существовал), говорилось о том, что хозяйство, унаследованное от Соловецкого монастыря, не имеет шансов на развитие в прибыльное производство. «Все работы и промыслы могут быть только подспорьем для внутренних потребностей лагеря. Никакой самокупаемости, промышленности, как [и] торговли лагерь вести не может за крайней скудостью природы и отсутствием естественных богатств»⁵.

---

³ *Киселев-Громов Н. И.* Лагери смерти в СССР. Великая братская могила жертв коммунистического террора. Шанхай, 1936; *Чернавин В. В.* Записки «вредителя» // *Чернавин В. В., Чернавина Т. В.* Записки «вредителя»; Побег из ГУЛАГа. СПб, 1999 (первое издание: *Thcernavin V. V.* I Speak for the Silent Prisoners of the Soviets. NY, Boston. 1935); *Корнилов М. Ф.* Откуда я и как оказался на земле финнов // Полярная Звезда. 1993. № 3. С. 130–142; *Розанов М. М.* Завоевание белых пятен. Лимбург, 1951. Важная особенность этих мемуаров заключается в том, что все они, без исключения, написаны беглецами-эмигрантами, которые брались за перо сразу, как только оказывались в подходящих для этого условиях. Поэтому момент создания текста отделяет от описываемых событий не столь большой временной отрезок, как это бывает обычно с воспоминаниями о ГУЛАГе. Разрыв составляет в большинстве случаев 2–3 года. Самый большой он, пожалуй, у Михаила Розанова – в предисловии упоминается 1947 год как момент создания текста, и от интересующих нас событий он отстоит на 16 лет (однако в целом в системе ГУЛАГа автор оставался до 1941 г., оказавшись за границей только в качестве военнопленного бойца Оборонстроя).

⁴ Изучение следов соловецких командировок на Белом море. Отчет об экспедиции Международного Мемориала (Москва). 3–10 августа 2015 г. Полуостров Киндо – остров Великий; 4–12 августа 2016 г. Полуостров Ковдский. Архив Международного Мемориала.

⁵ Доклад Коллегии ГПУ начальника Юридического отдела ГПУ В. Д. Фельдмана о результатах обследования Северных лагерей ГПУ // Архив А. Н. Яковлева (электронный ресурс). URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000700>

Заготовок древесины поначалу не хватало даже на собственные первичные нужды: «Запаса дров в лагере нет, и своими силами их не будет. Зимой будет холод и голод»⁶.

В ближайшие 2–3 года, тем не менее, на островах были развернуты лесозаготовительные работы, которые сразу обрели славу наихудшего варианта лагерной доли. Иван Зайцев, перечисляя самые тяжелые повинности в лагере (работа на лесопильных заводах, сплав леса, прокладка дорог, ломка камней, осушение болот, торфоразработки, выделка кирпича), писал, что «превыше всех и все затемняют это лесозаготовки»⁷. Однако «непосильный для большинства двенадцатичасовой тяжелый труд был лишь методом массового убийства, но не служил еще целям эксплуатации и коммерческой выгоды», – отмечал при этом Борис Ширяев⁸. При всей неэффективности этих работ они едва не привели к уничтожению естественной природной среды островов⁹ – леса на Соловках было слишком мало. С 1926 г. Соловецкий лагерь был переведен на самокупаемость, и в этом же году лесозаготовки вышли на берег. Первые рабочие командировки появились в Карелии, в районе Пан-озера¹⁰. Заготовленный лес поступал в Кемь, на лесозавод, построенный перед Первой мировой войной на паях архангельскими, а также английскими и голландскими купцами¹¹. Восстановленный после войны и революции завод с начала 1920-х гг. обслуживался заключенными Соловков. Уже тогда основная часть его продукции предназначалась для продажи за рубеж¹².

В 1926 г., судя по публикациям в лагерной прессе, уже существовала и частично реализовывалась идея лагерного освоения Карело-Мурманского края, способная заменить собой процесс его колонизации вольными переселенцами. Колонизация края была объявлена в 1923 г.¹³, но уже через 2–3 года стало очевидным, что проект не приведет к желаемым результатам.

---

⁶ Там же.

⁷ *Зайцев И. М.* Соловки: Коммунистическая каторга или место пыток и смерти. Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. Шанхай, 1931. С. 67.

⁸ *Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампада. М., 1991. С. 51.

⁹ «Бесхозяйственной рукой мы залезли в лесосеки 1940 года и можем погубить остров» (из доклада Д. Успенского на партийном совещании при бюро Соловецкого коллектива 25 августа 1930 г. ГАОПДФ Архангельской области. Ф. 5715. Оп. 1. Протокол № 5 партийного совещания при бюро Соловецкого коллектива. Копия. Цит. по: Архив А. Н. Яковлева (электронный ресурс). URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000726>)

¹⁰ Соловецкий ИТЛ ОГПУ // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М.: Звенья, 1998.

¹¹ *Бочкарева О. В.* КПП в Рабочеостровске. НИР 2011–2012 гг. // Кемский Пересыльно-распределительный Пункт Соловецких лагерей и тюрьмы. 1920–1939 (электронный ресурс). URL: http://www.solovki.ca/camp_20/kem_perpunkt_08.php

¹² Арпад Сабашош, заключенный Соловецкого лагеря, переведенный в 1926 г. статистиком на Лесозавод, вспоминал: «Лесопилка работала круглые сутки, в три смены... Все лесоматериалы с этого завода отправлялись морским путем за границу» (Сабашош Арпад. Двадцать пять лет в СССР (1922–1947) / пер. Т. Лендьял, ред. В. Литинский // Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы (электронный ресурс). URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13094>).

¹³ Задачи и планы колонизации разъяснялись в популярном издании: Колонизация Карельско-Мурманского края. Справочная книжка для желающих водвориться на переселенческих участках в Карельско-Мурманском крае. Ленинград, 1925.

Потенциальные ресурсы Карело-Мурманского края, главным из которых являлся лес, были вполне осмыслены еще в царское время. Главными препятствиями для их освоения были редкая заселенность и отсутствие дорог. Появление в 1916 г. Мурманской железной дороги открывало новые возможности развития территорий, однако их реализацию затормозила революция и гражданская война. В 1923 г. новое советское правительство вернулось к этой идее. Главной нерешенной проблемой теперь оставалась нехватка людских ресурсов. Население края состояло из небольших, редко расположенных деревень, карельских и поморских, жители которых существовали преимущественно рыбным промыслом. 25 мая 1923 г. Советом труда и обороны было принято «Положение о колонизации Карельско-Мурманского края»¹⁴. Освоению подлежали прежде всего территории вдоль Мурманской железной дороги, а ее управление трансформировалось в «промышленно-транспортный и колонизационный комбинат», который и должен был заниматься обустройством поселков для переселенцев и обеспечением их работой. Но, несмотря на развернутую пропаганду, приток населения был невелик, а решившиеся на переезд крестьяне из южных областей попадали в непривычных условиях в еще большую нужду, чем та, от которой они бежали¹⁵. Уже в 1927 г. Мурманский промышленно-транспортный и колонизационный комбинат был закрыт. Новое решение – освоение территорий при помощи заключенных, людей априори несвободных в поисках лучшей жизненной доли – постепенно показывало все большую состоятельность. Вскоре Кемский пункт, как рапортовал один из лагкоров газеты «Новые Соловки», писавший под псевдонимом Н. Л., стал «не только пересыльным этапом, но и распределителем соловецкой рабочей силы на материке», это была «выросшая за год крепкая застава, которую посадил УСЛОН на берегу материка и вокруг которой лепятся сейчас новые и новые рабочие ячейки трудовых Соловецких лагерей»¹⁶. Кроме лесозаготовок в Карелии силами лагеря было начато строительство Кемь-Ухтинского тракта, появились рыболовецкие фактории в Чупе и на Кольском полуострове.

Однако в полную силу лагерные работы на материке развернулись в 1929 г. Именно в этом году, 11 июля, вышло постановление Совета Народных комиссаров «Об использовании труда уголовно-заключенных»¹⁷. Документ явился результатом работы специальной комиссии Политбюро под руководством наркома юстиции Н. М. Янсона. Проблема убыточности и плохой организации работы мест заключения в СССР была осмыслена вместе с назревшей

---

¹⁴ Постановление СТО РСФСР от 25.05.1923. Положение о колонизации Карельско-Мурманского края (электронный ресурс). URL: <http://bestpravo.com/sssr/eh-gosudarstvo/y2n.htm>

¹⁵ «Голодные и разутые крестьяне соглашаются ехать куда угодно. Но на севере, попав в морозы, в полярную ночь, в холодные, зараженные клопами и вшами бараки и большей частью не получив даже сапог, за которыми они стремились, они начинают ползти назад. Документы у них предусмотрительно отбираются вербовщиками, денег на дорогу нет, и они, превратившись в бродяг, часто буквально босые, окончательно оборвавшись, пробираются со станции на станцию, ища, где бы подкормиться. На советском официальном языке это называется "текучесть рабочей силы"». (Чернавин В. В. Указ. соч. С. 299.)

¹⁶ Кемская пересылка // Новые Соловки, №25(77). 20 июня 1926 г.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 48. Лл. 210–212.

необходимостью освоения природных богатств Сибири и Севера. Постановление предписывало ОГПУ «расширить существующие и организовать новые исправительно-трудовые лагеря... в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы»¹⁸. Практически одновременно – 12 июля – вышло Постановление Совета Труда и Оборона «О реорганизации лесного хозяйства и лесной промышленности»¹⁹. В соответствии с ним лесозаготовительные конторы должны были преобразоваться в государственные предприятия – леспромхозы, подчиненные лесозаготовительным трестам. Лесные массивы передавались им в долгосрочное пользование (на 60 лет).

Очевидна связанность двух постановлений. С одной стороны, в управлении Лесного хозяйства создавались максимально удобные условия для планомерной сплошной вырубке леса в огромных масштабах, причем все лесозаготовки должны были контролироваться «сверху» органами ВСНХ и НКПС; с другой – изыскивалась максимально удобная в таких условиях рабочая сила, заключенные-лагерники со сроком заключения более трех лет, не получавшие за свой труд никакой платы и не имевшие возможности его бросить. Набрать нужное количество подневольных работников не составило больших проблем...

Репрессивная политика государства оказалась удивительным (вернее всего, уже продуманным) образом соответствующей промышленным нуждам и планам по использованию заключенных. В июле 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) Сталиным была объявлена необходимость «усиления классово-борьбы по мере завершения строительства социализма». Была развернута борьба с так называемым вредительством, стоившая свободы (а в ряде случаев и жизни) многим представителям технической интеллигенции; борьба с «контрреволюцией в деревне» в начале 1930 г. была оформлена постановлением ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»²⁰. Большая часть раскулаченных отправлялась в ссылку, но члены «кулацкого актива» приговаривались к расстрелу или к заключению в лагерь. Прокатилась волна арестов в среде ученых-гуманитариев (в том числе по знаменитому «Делу Академии Наук»²¹). Соловецкие лагеря стремительно набирали новые трудовые ресурсы. Подавляющую часть новых заключенных составляли крестьяне – именно их выносливость и привычка к ручному труду, еще не уничтоженная принуждением, в первую очередь требовались на лесозаготовках.

Число заключенных, в начале 1928 г. составлявшее 12 909 человек, за год выросло почти вдвое, до 21 900 человек, а еще через год эта цифра утроилась: среднегодовой показатель на сезон 1929/30 гг. – 65 000 человек. На начало 1931 г. население лагеря составляло уже 71 800

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ Совет Труда и Оборона СССР. Постановление от 12 июля 1929 года «О реорганизации лесного хозяйства и лесной промышленности» // СЗ СССР. 1929. N 47. ст. 418; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. N 164. 20.07.1929 г.

²⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 193. Л. 27–32. Опубликовано: Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Книга I. М., 2005. С. 70–76.

²¹ Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201–235.

человек²². Привлечение лагерного контингента к лесозаготовкам, конечно, дало результаты, с лихвой перекрывшие все мыслимые выгоды от свободной колонизации края. Начальник лагеря Александр Ногтев в 1930 г. рапортовал о колоссальном росте доходов лагерной лесной промышленности: 63 000 р. в сезон 1926–1925 гг.; 2 355 000 р. в сезон 1928/29 гг; в текущем сезоне 1929–1930 гг. обозначен плановый показатель 7 458 000 р.²³

Третье отделение СЛОН

В 1929 г. вдоль Мурманской железной дороги и по берегам Кандалакшского залива появилась плотная сеть командировок, составивших Третье отделение Соловецкого лагеря с управлением в Кандалакше. Всего, по данным отчета комиссии Шанина, в апреле 1930 г. СЛОН состоял из пяти отделений, каждое из которых имело свое управление и, по сути, функционировало как отдельный лагерь²⁴. К Третьему отделению относились все командировки, расположенные вдоль Мурманской железной дороги от Энг-озера до Мурманска, а также на части Кольского побережья залива. Некоторые из них к тому времени уже существовали около года или двух, большинство же основывалось первыми пригнанными на место этапными заключенными.

В отчете комиссии говорится, что Третье отделение «имеет заключенных 9 700 человек, находящихся а) на лесоразработках Колвицкой, Бабинской лесных дач (Колвицкая и Бабинская дистанция), б) на лесозаготовительных, лесоразделочных и лесопогрузочных работах вдоль линии ж/д к северу от ст. Энг-Озеро до Мурманска включительно, г) на земляных работах в Мурманске, д) на рыбных промыслах в Кандалакшской губе и е) рыбная фактория в селении Териберка на океанском берегу Кольского полуострова»²⁵. Перечень мест работы приблизительный – места лесозаготовок на огромной дистанции от Энг-озера до Мурманска никак не уточнены²⁶.

---

²² Статистические данные приводятся по изданию: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М.: Звенья, 1998.

²³ УСЛОН. Его история, цели и задачи. Доклад нач. УСЛОН т. Ногтева // Соловецкие острова. 1930. №2–3. С. 57.

²⁴ «Вышеуказанные 5 отделений расположены в следующих районах: 1-е отделение расположено на острове Революции (быв. Попов остров); (...) 2-е отделение — центр отделения ст. Май-Губа, (...) 3-е отделение — центр ст. Кандалакша, (...) 4-е отделение — центр остров Соловки, (...), 5-м Отделением была названа Байкальская экспедиция, ныне вошедшая в состав Сибирских лагерей, 6-е отделение — центр: разъезд «Белый» (Мурманской ж/д)». (Из отчета комиссии А. М. Шанина коллегии ОГПУ об обследовании Соловецких лагерей // Хронос (электронный ресурс). URL: http://hrono.ru/dokum/193_dok/193005shanim.php)

²⁵ Там же.

²⁶ Более подробный список можно найти в «Проекте реорганизации СЛОН» – документе, подготовленном весной 1930 г. лагерной администрацией и подписанной начальником лагеря Александром Ногтевым: «Места работ: Баб-дача, Колвица, Зашеек, В[еликий] остров, Пин-озеро Л., Пин-озеро М., Кандалакша, Ковдинский завод 45/46, Чупа и Энг-озеро». (НАРК Ф. Р865 Оп. 32. Св. 1 Д. 1. Л. 31 об.). Судя по тому, что все эти названия упоминаются в заметках «Новых Соловков», данный перечень соответствовал реальному положению дел, хотя во многих случаях полагаться на этот документ нельзя – это не отчет о фактическом состоянии лагеря, а нереализованный проект его преобразования.

Организацией принудительных работ в лагере занимались производственные отделы, каждый из которых имел определенную специализацию: лесозаготовительный, рыбопромышленный, дорожно-строительный, сельскохозяйственный²⁷. В территориальных отделениях они были представлены производственными частями. Каждой части подчинялось несколько командировок соответствующей специализации. Все виды работ были сезонными, и потому заключенные регулярно перебрасывались с одной командировки на другую. Зимой – в лесозаготовительный сезон – большинство из них становилось лесорубами²⁸.

Лесозаготовительный отдел отвечал за «руководство работой лесозаготовительных частей при отделениях (Лагеря) и отдельных пунктах по осуществлению последними производственных заданий по линии работ лесозаготовительных, сплавных, по выкатке, биржевых, топливо-погрузочных, лесоэкспортных, по обслуживанию рабсилой лесозаводов, по эксплуатации лесозаводов в районах приписных участков и по прочим работам, связанным с вышеперечисленными операциями – как по обязательствам с контрагентами, так и для Управления»²⁹.

Лесозаготовительный отдел заключал договора с государственными трестами – Желлес и Экспортлес, в ведении которых находились лесозаготовительные дистанции. Северная дистанция включала в себя окрестности Пин-озера, Энг-озера, Чупы, Великого острова; Колвицко-Бабинская дистанция – территории южного берега Кольского полуострова³⁰. Заготовленный лес поступал на лесозаводы. Два из них (лесозаводы №№45 и 46) работали на островах Ковдской губы. Оба они были построены в начале века на паях с финскими и шведскими купцами (заводы Бергрена и Стюарта), в 1918 г. были закрыты, а в 1924 г. восстановлены и переоборудованы Желлесом в рамках программы колонизации края³¹. С 1928 г. заводы стали обслуживаться заключенными Соловецкого лагеря. Еще один завод уже в советское время был построен в Кандалакше³² (Лесозавод № 4).

С территории вырубki бревна вывозились гужевым транспортом к месту их дальнейшей переброски. До лесных бирж при заводах они доставлялись сплавом по рекам, озерам и морю. Также значительная часть леса перевозилась по железной дороге. Одним из важнейших перевалочных пунктов являлась командировка Чупа-пристань, где отдельная железнодорожная

---

²⁷ См. «Положение об отделах УСЛОН» (НАРК. Ф. Р865. Оп. 32. Св. 1. Д. 4. Лл. 10–13).

²⁸ «Зимой все заключенные СЛОНа работают на лесозаготовках. С наступлением весны, когда рубка деревьев в лесу прекращается, на лесозаготовках остаются только занятые сплавом леса, погрузочно-разгрузочными работами и обделкой древесины на лесопильных заводах. Все остальные с лесозаготовок отправляются на постройку тракторов» (*Киселев-Громов Н. И.* Указ. соч. С. 71).

²⁹ Положение об отделах УСЛОН. НАРК Ф. Р865 Оп. 32. Св. 1. Д. 4. Л. 10–11.

³⁰ Краткие рапорты о работах на этих дистанциях можно найти во всех зимних номерах газеты «Новые Соловки» за 1930 г.

³¹ Ковдские лесопильные заводы // Кольская энциклопедия (электронный ресурс). URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=95814.

³² Колонизация Карело-Мурманского края // Кольский север. Энциклопедический лексикон (электронный ресурс). URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/КОЛОНИЗАЦИЯ_КАРЕЛО-МУРМАНСКОГО_КРАЯ

ветка была проложена на причал – лесоматериалы здесь перегружали из вагонов на пароходы, одновременно шла выкатка и погрузка сплавленного леса. В заметке «Новых Соловков» от 28 июня 1930 г. говорится о колоссальном увеличении объема леса, который планируется отгрузить в этом году по сравнению с прошлым («150 000 брёвен, 250 000 шпал, 100 000 слиперсов и 3 000 русских куб. сажень пропса» вместо всего лишь «7 200 брёвен», отгруженных в 1929 г.!)³³. Это сравнение лишний раз подтверждает, что именно сезон 1929–30 гг. явился началом небывало интенсивных заготовок леса в регионе, и привлечение лагерного труда здесь имело решающее значение. Командировка Чупа-пристань, существовавшая к тому времени уже, по меньшей мере, два года³⁴, стремительно расширяется, вокруг нее вырастает серия других командировок: «В связи с предстоящими работами командировка Чупа-пристань будет развёрнута — в ожидании партий новых рабочих строятся бараки — до их окончания раскинута большая палатка вместимостью по 60 человек (...) В Чупинскую группу входят командировки: Чупа-пристань, 55 квартал, 1015 квартал и Чупа — раб. поезд»³⁵.

Заклученными осуществлялись все же не все этапы работы: часть из них брал на себя лесозаготовительный трест. Так, в заметке о работах на Северной дистанции сказано, что «Согласно договорам с Желлесом заготовки производятся без вывоза леса»³⁶. Кроме завербованных работников Желлеса к вывозу бревен (а иногда, возможно, и к самой вырубке леса) привлекались и крестьяне из местных сел и деревень. Эти работы тоже носили принудительный характер, и за отказ или даже высказанное недовольство крестьянин мог поплатиться переходом в разряд заключенных³⁷. По воспоминаниям Ф. А. Трофимова, в конце 1920-х гг. студента Петрозаводского лесотехникума, учащихся регулярно отправляли на авральные

---

³³ Как работала командировка Чупа // Новые Соловки. №28. 28 июня 1930 г.

³⁴ По воспоминаниям С. Г. Сахарова (епископа Ковровского Афанасия), он работал сторожем, а затем счетоводом на командировке Чупа-пристань в июне-июле 1928 г. (См.: *Афанасий (Сахаров С. Г.)*. Даты и этапы моей жизни // Вестник Русского Христианского Движения. 1993. № 139. С. 13–17. Цит. по: Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы (электронный ресурс). URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=131>).

³⁵ Как работала командировка Чупа...

³⁶ Северная дистанция // Новые Соловки. №2. 8 февраля 1930 г.

³⁷ Такие случаи, судя по сохранившимся протестным заявлениям жителей этого района, были нередки. История крестьянина из Ковды И. В. Гагарина, работавшего на вывозке леса и арестованного за изъявление недовольства властью, была одной из типичных для своего времени (Заявление гражданки Ковдского сельсовета Кандалакшского района П. Н. Гагариной в ЦИК КАССР с просьбой о пересмотре дела ее мужа, арестованного органами ОГПУ // Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–31 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1991 г. С. 40–42. См. также нормативные документы республиканского уровня, оговаривающие привлечение крестьян к принудительным лесозаготовкам: Циркуляр прокуратуры, наркоматов юстиции и внутренних дел Карельской АССР участковым прокурорам, народным судьям и следователям, начальникам РАО о реализации решений ЦИК и СНК республики по привлечению на лесозаготовки кулацких и зажиточных хозяйств (не позднее 7 января 1930 г.) // Там же. С. 14–16; Директива Наркомата юстиции и прокуратуры КАССР участковым помощникам прокурора, народным судьям и следователям, начальникам РАО о применении мер ответственности к кулацким и зажиточным хозяйствам, уклоняющимся от лесозаготовок // Там же. С. 30–31.).

работы по выкатке леса, причем работали они бок о бок с заключенными³⁸. Но основной рабочей силой, принимавшей на себя большую часть работы – собственно вырубку и первичную обработку леса, во многих случаях вывоз³⁹, сплав, выкатку⁴⁰, погрузку⁴¹ заготовленных бревен – были все же заключенные Соловецкого лагеря.

Положение заключенных

Несмотря на то, что лавинообразный рост числа заключенных был спланирован на административном уровне, сам лагерь совершенно не был к нему готов. Особенно тяжелым оказался, судя по всему, 1929 год, на который пришелся пик поступлений новых арестантов. Кемский пересыльный пункт не имел достаточного резерва жилых помещений; бараки переполнялись сверх всякой меры, и само существование в них было немалым испытанием⁴². Из Кеми людей стремились поскорее отправить к месту работ, чтобы освободить пересылку для новых этапов⁴³.

К месту работ на командировки Третьего отделения они отправлялись поездом в сопровождении конвоя, а по прибытии на станцию шли к месту назначения пешком. Все командировки были расположены вдоль железной дороги, однако порой до них приходилось идти по 15–20 километров. Преодолеть это расстояние после нескольких дней голода и мук в поездах и на пересылке могли не все. Начальник конвоя, сопровождавший этап в 200 человек от станции Пояконда до командировки Великий остров в ноябре 1929 г., рапортовал потом, что трое изможденных заключенных отстали от группы, двое из них замерзли насмерть. Судя по всему, такой результат при доставке рабочей силы был сочтен лагерной администрацией более чем

---

³⁸ «Учась на втором и третьем курсах, мы по два раза в год выезжали на лесозаготовки ликвидировать прорывы: в декабре, когда срывался годовой план, и в марте, когда проваливался традиционно ударный месячник. А в 1929 году, еще до выезда в лес, весь техникум направили в Бабгубу, возле Кеми, на выкатку пиловочника для Кемского лесозавода, так как и это дело оказалось под угрозой срыва. При помощи примитивных воротов, под неутихающим ледяным ветром и дождем, то и дело превращавшимся в снег, поднимали на крутой каменный берег тяжелые бревна и складывали их в штабеля, достигающие иногда высоты трехэтажного дома. Рядом с нами, за колючей проволокой, то же самое делали заключенные...» (Трофимов Ф. А. Мой век: Воспоминания. Петрозаводск, 2000).

³⁹ В одном из выпусков «Новых Соловков» целая полоса была посвящена теме вывоза леса и того, как с ней справляются на разных лесозаготовительных командировках (Ни одной отстающей командировки по вывозке леса! // Новые Соловки. №4. 28 февраля 1930 г.).

⁴⁰ О ходе сплавных работ рапортуяют регулярные заметки в газете «Новые Соловки» (Отчетная кампания по сдаче самолета «Ответ Соловчан» // Новые Соловки. № 24. 2 июня 1930 г.; Сплав бревен через Черную речку // Там же. №28. 28 июня 1930 г.; Сплав в Кандалакшском районе // Там же. №30. 8 июля 1930 г. и др.)

⁴¹ См.: Как работала командировка Чупа...

⁴² Н. И. Киселев-Громов, работавший в штабе ВОХР, вспоминал о своей работе в Кемперпункте: «В барак заключенных набивают как сельдей в бочки. Два раза я пробовал туда войти и не мог: как только я открывал дверь барака, струя спертого, вонючего воздуха дурманила меня. Кроме того, на 3-х ярусных нарах и на полу барака люди лежали так, что нигде было ступить ногою» (Киселев-Громов Н. И. Указ. соч. С. 52–53).

⁴³ М. М. Розанов в своих воспоминаниях писал, что был привезен в мае 1930 г. этапом из ленинградской тюрьмы «Кресты» непосредственно на станцию Лоухи, на дорожно-строительную командировку. Видимо, в некоторых случаях этапы вовсе миновали пересылку, отправляясь сразу к месту работ (См.: Розанов М. М. Указ. соч. С. 3–4).

успешным, так как конвоир не только не был привлечен к ответственности за смерть людей, но и получил премию⁴⁴.

Вновь открываемые командировки были в действительности просто местом, указанным лагерной администрацией по согласованию с лесозаготовительным трестом. Первые партии заключенных должны были сами обустроить пространство будущего лагеря, ночуя до той поры под открытым небом или в шалашах. По их свидетельствам, сначала выстраивался дом для начальства и охраны, затем – здания штрафного изолятора, вышки для надзирателей, потом хозяйственные постройки и в самом конце – жилой барак для заключенных⁴⁵. Жизнь на лесной командировке в описании бывшего сотрудника лагерной охраны предстает такой: «В дремучем карельском лесу, летом окруженные сплошными болотами, а зимой обледенелые и занесённые сугробами снега, стоят два-три барака для заключённых, небольшой деревянный домик для чекистов-надзирателей и, непременно приложение, – «крикушник» (карцер – И. Г.). Бараки сделаны из сырых тонких брёвен, между которыми положена моховая прокладка, и на полметра сидят в земле. Плоская крыша из тонких сырых жердей покрыта еловыми ветвями. Пол земляной. В бараке два яруса нар из тонких жердочек. Зимой от тепла в бараке снег на крыше тает, и заключённых, спящих на верхних нарах, мочат капли воды, протекающие сквозь щели между жердями. В бараке на четыреста-пятьсот человек три-четыре маленьких тусклых окошечка и две небольшие железные печки, которые зимой топят всю ночь. Никаких столов и приспособлений для сиденья в бараке нет»⁴⁶.

В 2015–2016 гг. Международным Мемориалом было проведено две экспедиции, посвященные поиску и первичному исследованию серии командировок Третьего отделения Соловецкого лагеря, расположенных по берегам Ругозерской губы и пролива Великая Салма. Узловым пунктом для всех них являлась, судя по всему, станция Пояконда Мурманской железной дороги – именно через нее проходили этапы заключенных, доставлялись необходимые грузы и

---

⁴⁴ Киселев-Громов Н. И. Указ. соч. С. 57–60.

⁴⁵ «На вновь открываемых командировках приходится спать под открытым небом, у костров. Сами чекисты живут в раскинутых для них палатках, а заключённые тем временем строят для них домик, материал для которого они привозят со станции на себе. Когда домик для надзирателей готов, строится карцер и только потом – барак для заключённых» (Киселев-Громов Н. И. Указ. соч. С. 73–74); по воспоминаниям Михаила Розанова, первое возникающее на командировке сооружение – охраняемая ограда лагпункта. В первый день прибытия «охотники из этапа по вызову начальника уже мастерят вокруг площадки козлы, выкладывая на них длинные жерди. Пусть эта тюремная ограда ненадежна, примитивна, но каждый слышал: “При попытке перехода через установленную линию конвой применяет оружие без предупреждения”» (Розанов М. М. Указ. соч. С. 7. Владимир Чернавин, не работавший сам на лесных командировках, вспоминал яркие рассказы крестьян, услышанные им в карантинной роте: «Как в лес пригнали, велят снег протапывать. Лопат нет. Построят шеренгой, и иди топчи, дорогу топчи на лесозаготовки, место топчи, где бараки строить. Снег, знаешь, какой тут, где по пояс, где по грудь. Ночью у конвойных — палатка. А мы — так, под елками полегли. Для них дрова кололи, обед варили. Потом барак им построили, а сами все на снегу, да под ветками. Крикушник, это карцер по-ихнему, значит, куды нас сажать замаривать, тоже построили. Каптерку, кладовку, тоже. Когда все построили, тогда разрешили для нас, для заключенных барак рубить из мелкого леса, нары из елового вершиннику, а пола совсем нету» (Чернавин В. В. Указ. соч. С. 233).

⁴⁶ Киселев-Громов Н. И. Указ. соч. С. 60–61.

переправлялась в обратную сторону лагерная продукция⁴⁷. Данные полевых исследований, проведенных на острове Великом, полуострове Киндо и Ковдском полуострове⁴⁸ в целом подтверждают картину, рисуемую мемуаристами, добавляя к ней некоторые новые детали. Обнаруженные остатки построек всякий раз расположены на берегу пресноводного озера – постоянного источника питьевой воды (оз. Морцы на Великом острове, Верхнее Ершовское и Круглое озера на Киндо, Лосиное и Гоголиное озера на Ковдском полуострове). Найденные остатки построек можно разделить на три типа.

1. Большой жилой барак (две постройки на Верхнем Ершовском озере и одна на озере Морцы) (илл. 1) – здание площадью примерно 9х24 м, состоящее из двух жилых отсеков 9х10 м и центрального пространства, в свою очередь разделенного на входной тамбур, из которого внутренние двери вели в жилые помещения справа и слева, и небольшую заднюю комнату (возможно, комнату начальника или охранника, если соотнести этот план с описанием Дж. Китчина⁴⁹). Помещения, оборудованные двухъярусными нарами, должны были вмещать около 200 человек, а в экстремальных случаях и больше (повторяемая регулярно в мемуарах цифра в 300–500 человек, видимо, относится к заполнению именно такого барака). Судя по всему, эти здания строились по типовому проекту – такая же конструкция позже использовалась на лесозаготовках УСевЛОНа и Норильлага⁵⁰.

2. Малая однокамерная постройка размером примерно 7х7 м (два таких сруба обнаружены на Верхнем Ершовском озере, четыре – на Круглом) (илл. 2). Сейчас трудно определить их точное предназначение, они могли быть привилегированным жильем (например, для охраны или начальника командировки) или использоваться для каких-нибудь подсобных нужд.

3. Малый барак – усеченная и несколько уменьшенная в масштабе версия большого жилого барака (два на Лосином озере и четыре на Гоголином) (илл. 3). Площадь постройки около 8х11 м, она, как и большой барак, имеет входной тамбур и расположенную за ним небольшую комнату, но общее жилое крыло только одно, размером около 8,5х8 м.

В стенах всех построек обнаружены пробуренные отверстия, служившие для крепления встроенной мебели (в большинстве случаев нар) (илл. 4). Очевидно, что такой способ

---

⁴⁷ О командировке Пояконда есть упоминания как в мемуарах, так и в лагерной прессе, см.: *Киселев-Громов Н. И.* Указ. соч. С. 58; Нужно удлинить эстакаду // «Новые Соловки». №28. 28 июня 1930 г.

⁴⁸ Все обнаруженные места были, по всей видимости, лесными командировками, входившими в Северную дистанцию, хотя в письменных источниках из них встречается только упоминание Великого острова. См.: Изучение следов соловецких командировок на Белом море...

⁴⁹ «Наши бараки были похожи на все другие, какие мне доводилось видеть. Они были рассчитаны на двести, но вмещали триста человек. Было довольно тесно, но мы к этому привыкли. Там были двухъярусные спальные полки, маленькие окошки и один вход, к которому примыкала крошечная комнатка командира отряда» (*Kitchin G. Prisoner of the OGPU.* Lnd, NY, Toronto. 1935. P. 191).

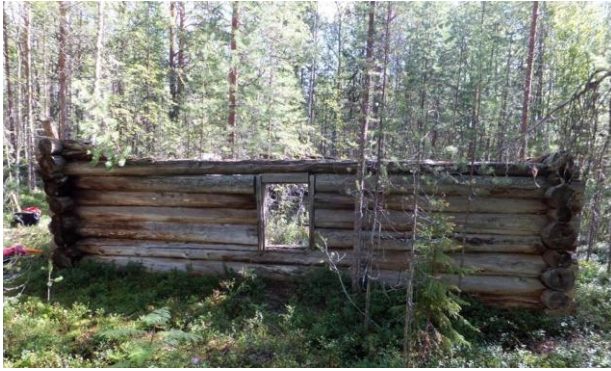
⁵⁰ Похожее описание давал бывший заключенный УСевЛОН Джордж Китчин (*Kitchin G.* Op. cit. P. 191–192); о подобной конструкции Жак Росси в своем «Справочнике» говорил как о стандартной модели жилого помещения для заключенных (*Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. Часть 1. М., 1991. С. 23–25).

обустройства сильно ухудшал теплоизоляцию помещений, однако был в тех условиях, видимо, самым простым и быстрым. В бараках Гоголиного озера, сохранивших кое-где детали внутренней обстановки (фрагменты столов и нар) и межкомнатные двери, были обнаружены надписи, частично прочитываемые, сделанные карандашом на бревне одного из срубов и на дверном косяке другого. Указаны имена людей и места, откуда они прибыли. Одна из надписей, наиболее полная и хорошо сохранившаяся, читается так: «Абакумов В. В. 1930 г.... села Антушева 1908» (илл. 5). Вторая дата, по всей видимости, является годом рождения. Дендрохронологический анализ бревен, из которых выстроены бараки на Круглом и на Ершовском озерах, показал, что большинство из них срублены задолго до описываемых событий – в начале XX или в XIX вв. Две пробы при этом достаточно четко показывают 1928–1929 годы – момент строительства бараков следует датировать именно по ним⁵¹. Странный возраст других бревен объясняется, судя по всему, тем, что для строительства использовали старую древесину – плавник, выносимый морем на берег. Имея в виду, что на жилье для заключенных администрация вернее всего желала сэкономить – а использование старой древесины означало экономию не только материалов, но и времени – такое объяснение представляется более чем логичным. Кроме бараков в двух местах (на Круглом и на Гоголином озерах) обнаружены фрагменты сооружений из жердей и досок, которые могут быть остатками караульных вышек. Трудно сказать, была ли вокруг лагерных пунктов какая-нибудь ограда. Тяжесть работ и суровые условия (лесорубы работали зимой), видимо, избавляли охрану от необходимости строгого надзора. Вокруг всех обнаруженных мест заметны следы старых вырубок – замшелые пни, в некоторых местах – оставленные штабели бревен (илл. 6). Возраст окружающего их леса не превышает ста лет. Лес, судя по всему, вырубался под корень, оставляя местность опустошенной после рабочего сезона.

Большой барак на Верхнем Ершовском озере, полуостров Киндо. Правое жилое крыло и центральная часть с маленькой комнатой. Фото автора.

⁵¹ См.: Изучение следов соловецких командировок на Белом море...

Малая постройка на Круглом озере,
полуостров Киндо. Фото автора.

Малый барак на Гоголином озере, Ковдский
полуостров. Фото Н. А. Ломакина.

Отверстия в стене и сохранившаяся часть
встроенной конструкции. Круглое озеро. Фото
автора.

Надпись на стене барака. Гоголиное озеро.
Фото автора.

Остатки штабеля бревен близ Круглого озера.
Фото автора.

О том, как велись лесозаготовки, их свидетель писал так: «На работу заключённые идут до 10 километров. И чем дольше они работают, тем дальше и дальше им приходится ходить:

вырубая лес, они с каждым днем отодвигаются от места расположения командировки. В лес заключённые приходят совершенно затемно. Десятники выдают им спички: ими они просвечивают сосны, чтобы узнать, есть ли на сосне клеймо и можно ли рубить ее. Снегу по пояс, и заключённый должен вытоптать вокруг дерева снег. Тридцать пять деревьев он должен срубить, обрубить с них сучья и окорить. А после работы, возвращаясь на командировку, он должен пройти пять-десять километров. Срубить и очистить 35 деревьев – это только основной урок заключённого»⁵². Тяжесть работы, убогие условия проживания, не спасавшие от суровых северных холодов, удаленность от ближайшего пункта медицинской помощи (лазарет отделения, рассчитанный всего на 45 коек, располагался в Кандалакше⁵³) быстро приводили к болезни и гибели людей. Немалую опасность представляли и лагерные сотрудники.

Частые случаи жестокости на командировках в отношении заключенных со стороны охраны и администрации (состоявших наполовину из самих заключенных) зафиксированы как в воспоминаниях, так и в документах ОГПУ. По результатам проверки комиссии Шанина было возбуждено несколько уголовных дел, в том числе «дело надзорсостава к[омандиров]ки Энг-озеро 2 (3 отделение СЛОН) Золотарева и др. в числе 8 чел., систематически истязавших заключенных, в результате чего зарегистрировано было 3 смертных случая»⁵⁴. Не лучше дело обстояло и на лесозаводах. В лагере Ковдского лесозавода №45 заключенных истязали проверенными соловецкими способами, о которых вспоминала дочь учителя заводской школы Елена Божко: «Барак с уголовными преступниками стоял за изгородью. С ними очень плохо обращались: зимой ставили на камень в одном белье и обливали водой или протаскивали на веревке из проруби в прорубь – сама не раз видела с чердака школы»⁵⁵. О поездке на Кандалакшский завод №4 А. М. Шанин докладывал: «Объективная картина режима на Лесозаводе такова: прежде всего Комиссией осмотрен карцер. Это дощатый сарайчик площадью в одну квадратную сажень, без печи, с громадными дырами в потолке, с которого обильно течет вода (в этот день была теплая погода), с одним рядом нар. В этом «помещении» буквально друг на друге в момент прибытия Комиссии находилось 16 полураздетых человек, большинство из которых пробыло там от 7 до 10 суток. (...) Только накануне приезда Комиссии арестованным стали давать кипяток; ранее это считалось излишней роскошью. По поступившим жалобам Комиссией было опрошено 8 человек, туловища и руки которых были покрыты явными даже для

---

⁵² Киселев-Громов Н. И. Указ. соч. С. 63–64.

⁵³ Там же. С. 83.

⁵⁴ Из доклада комиссии А. М. Шанина Коллегии ОГПУ о положении заключенных в Соловках (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 116. Л. 102–112. Цит. по: Архив А. Н. Яковлева (электронный ресурс). URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000703>).

⁵⁵ Божко (Кошева) Е. Я – учительница. Пережить блокаду // Архангелиты — дети Немецкой слободы. Хроники старинного рода Пець (Paetz). Малоизвестные страницы истории с XIV века по сегодняшний день (электронный ресурс). URL: http://paetz.ru/?page_id=24.

неопытного глаза кровоподтеками и ссадинами от избиений»⁵⁶. В материалах комиссии Шанина сохранилась запись показаний одного из заключенных, который рассказывает об издевательствах, чинимых начальником командировки в Кандалакше: «В 3 отделении на к[омандиров]ке «Кандалакша» был начальником некто Евстратов Андрей Самойлович. Здоровый парень, косая сажень в плечах. Этот занимается тем, что «ласкает», как он выражается. «Ведите его сюда, я его обласкаю». А ласкает он всегда здоровенной палкой. Однажды он на к[омандиров]ке «Кандалакша» в своей комнате так «ласкал» одного заключенного, что тот весь в крови лишился сознания. И что больше всего возмутительно – это то, что [как] человек сознательный, [он] выбирал палку с гвоздями»⁵⁷. Смертность на командировках была, судя по всему, очень высокой, и места захоронений умерших там до сих пор не установлены⁵⁸.

Естественно, что мысли о том, как избежать такой печальной участи, заботили многих заключенных. Побег с командировок в целом были делом регулярным и имели гораздо больше шансов на успех, чем попытки бежать с Соловецких островов. Недалеко была финская граница, при хорошей подготовке и удачном стечении обстоятельств через несколько недель беглец оказывался в другом государстве. М. М. Розанов писал, что особенно много уходов случилось летом 1930 г. – после проверки Шанинской комиссией и ареста отличавшихся особой жестокостью лагерных охранников строгость надзора заметно упала⁵⁹. Происходили такие случаи в основном летом, и решались на них люди, занятые на более легких работах, чем лесоповал⁶⁰.

С лесозаготовок убегали редко. Такие случаи были чаще актами отчаяния, обреченными на неудачу, чем продуманными и спланированными операциями. Известен, впрочем, и пример удачного побега с лесной командировки Баб-дача – похоже, он стал довольно громким событием для всего лагеря, из уст в уста передававшего рассказ о том, как «несколько заключенных, не выдержав издевательств и истязаний, вооружились топорами, выданными им для работ,

---

⁵⁶ Из доклада комиссии А. М. Шанина...

⁵⁷ Из свидетельских показаний заключенного СЛОНа о насилии и издевательствах над заключенными, данных комиссии А. М. Шанина // Архив А. Н. Яковлева (электронный ресурс). URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000716>

⁵⁸ Некоторые из них, видимо, еще можно найти, опираясь на остатки локальной памяти. В месте близ Колвицы «остров Могильный на озере Большом Глубоком получил по народной молве своё название именно из-за погибших в лесу заключённых» (Александров Г., Александрова Л., Горяшко А. Путешествие в Колвицу / Под ред. Александры Горяшко (электронный ресурс). URL: http://www.alexandra-goryashko.net/kandalaksha_around/kolvica_book/zeki.htm)

⁵⁹ Розанов М. М. Указ. соч. С. 20.

⁶⁰ К таким беглецам относились трое из авторов цитируемых здесь воспоминаний. Владимир Чернавин, будучи специалистом в рыбной промышленности и потому довольно привилегированным среди заключенных сотрудником Рыбпрома, совершил самый необычный в истории Соловецкого лагеря побег. В 1933 г. он бежал в Финляндию из Кандалакши вместе с женой и сыном, приехавшими к нему на свидание. Михаил Корнилов, участник антибольшевистского восстания 1927 г. в Якутии, бежал из командировки Черная речка в июне 1931 г. Работая завхозом, он вместе с двумя соотечественниками смог запастись всем необходимым для побега и успешно добрался до территории Финляндии. Николай Киселев-Громов (до побега носивший фамилию Карпов) был и вовсе не заключенным, а сотрудником ОГПУ, работавшим в штабе ВОХР и Информационно-следственном отделе лагерей. Положение сотрудника лагеря, как можно заключить из этого случая, тоже было далеко не свободным. Летом 1930 г. он также бежал в Финляндию.

обезоружили стражу, разбили кладовую, взяли необходимый запас одежды и продовольствия и, в числе шестнадцати человек из шестидесяти, бывших на командировке, ушли в Финляндию»⁶¹.

Неудачных побегов все же было гораздо больше – беглецов ловила не только лагерная охрана, но и местные крестьяне, которым за поимку беглого УСЛОНовца уплачивалось вознаграждение⁶².

Однако при всем вышесказанном мемуаристы не раз отмечали меньшую жестокость режима на командировках, чем на островах. Здесь реже бывали случаи открытого садизма, бессмысленного издевательства над людьми, которыми славились Соловки в середине 1920-х годов. Подчинение всего режима производственным целям заставляло ценить человека по меньшей мере как рабочую единицу, необходимую для выполнения плана. Питание на командировке было несколько лучше, для заключенных с образованием и производственными навыками открывалась возможность лагерной «карьеры» в виде работы в отделах на должностях специалистов или в канцелярии управления. С 1930 г. СЛОН прекратил свое существование: теперь он назывался «Соловецкий исправительно-трудовой лагерь ОГПУ»⁶³. Наступала эпоха «перековки» – первая фаза существования ГУЛАГа, начинавшего себя выстраивать как огромную систему сосредоточения подневольного трудового ресурса и распределения его по наиболее трудоемким и необжитым участкам государственного проекта индустриализации.

Международный скандал

Лес, заготавливаемый заключенными, имел низкую себестоимость – и потому пользовался повышенным спросом. Однако резкое увеличение поставок дешевого экспортного леса в 1930 г. вызвало резкую реакцию со стороны ведущих мировых держав. С одной стороны, в условиях начавшегося экономического кризиса выброс на мировой рынок леса по демпинговым ценам усугублял положение других стран-поставщиков древесины (прежде всего США и Канады). С другой – информация о том, что лесозаготовки велись, по сути, с использованием рабского труда, вызывал их возмущение и протест. Под подозрение попадал и целый перечень других экспортных советских товаров (лен, хлеб, сахар, патока, желатин, стеарин, мясопродукты), но по уровню значимости на первом месте был, конечно, лес⁶⁴.

---

⁶¹ Чернавин В. В. Указ. соч. С. 300–301.

⁶² «По тракту со стороны границы то и дело приводили пойманных беглецов. Одних схватили секретные посты в проходах меж озер и топей, других – местные карелы, получавшие от концлагеря за каждую «сданную голову» по 2 пуда муки и 4 фунта сахару. Несколько беглецов добрались до Финляндии, но от лап концлагеря они не спаслись. Финская пограничная стража выдала их конвоем концлагеря» (Розанов М. М. Указ. соч. С. 28.)

⁶³ Соловецкий ИТЛ ОГПУ // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... 23 мая 1930 лагерь был подчинен ГПУ Карельской АССР и ГУЛАГ ОГПУ. Во время подчинения ГПУ Карельской АССР использовалось название Соловецкие и Карело-Мурманские лагеря ОГПУ (СКМИТЛ), вместе с ним употреблялось и название «Соловецкий ИТЛ» и сокращение «СЛАГ».

⁶⁴ История внешней политики СССР 1917–1980 гг. Т. 1. 1917–1945 гг. М., 1980. С. 256–258.

О принудительных работах, пытках и издевательствах в советских концлагерях писал еще Сергей Мельгунов в книге «Красный террор», вышедшей в 1924 г. в Германии⁶⁵. Данных о систематическом использовании рабского труда у него, конечно, еще не было – и не могло быть, но нашумевшее издание давало повод ожидать от советского государства именно такого продолжения. Показания первых беглецов из Соловецкого лагеря – особенно парижские выступления Юрия Бессонова, а затем и выход в 1928 г. его книги «Двадцать шесть тюрем и побег из Соловков»⁶⁶, развивали эту тему далее, давая повод всерьез усомниться в достоинствах советского государства как экономического и политического партнера. Само ОГПУ вело себя в этой ситуации, надо признать, довольно беспечно. Развертывая лагерные лесозаготовки в местах активной коммуникации с зарубежными покупателями (контакт с английскими и голландскими покупателями древесины был налажен еще до революции, затем восстановлен советскими лесозаготовительными трестами), руководители ведомства не задумались всерьез о том, чтобы скрыть этот факт от чужих глаз. Заключенные, работавшие на лесозаводах, жили в двух шагах от порта, куда заходили торговые суда⁶⁷. Они работали на погрузке – моряки их не только видели, но и, скорее всего, могли с ними поговорить (заключенных перестали допускать к работам на пристани только с началом бойкотов)⁶⁸. Некоторым прикрытием этой ситуации служило, конечно, сотрудничество с государственными лесозаготовительными трестами – Желлес и Экспортлес. Продажей древесины занимались именно они, а не лагерь, и, таким образом, факт использования принудительного труда на лесозаготовках был номинально замаскирован. Известны легенды – возможно, небезосновательные – о том, что заключенные вырезали на экспортных бревнах призывы о помощи. Но и без таких писем постичь со стороны суть происходящего в лесах Карело-Мурманского края, думается, было вполне возможно.

В июле 1930 г. США ввели ограничения на экспорт советских товаров, вскоре к ним присоединилась Франция; к подобным мерам в той или иной степени примкнули Югославия, Венгрия, Румыния. Резкие выступления против экспорта советского леса состоялись в Англии. В ответ советское правительство выступило с опровержением информации о применяемом труде заключенных – что было откровенной ложью. Тем не менее, экономические интересы заставили

---

⁶⁵ Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. Берлин, 1924.

⁶⁶ Бессонов Г. Д. Двадцать шесть тюрем и побег из Соловков. Париж, 1928.

⁶⁷ Об этом говорится, в частности, в воспоминаниях Елены Божко, жившей в детстве на территории ковдского Лесозавода №45 (Божко (Кошева) Е. Указ. соч.).

⁶⁸ Владимир Чернавин писал об этом в отношении кемского лесозавода: «Подача вагонеток на пристань, где стояли грузившиеся летом иностранные суда, производилась уже вольными рабочими. С тех пор как за границей началась кампания против принудительного труда на лесозаготовках, в СССР избегают показывать иностранцам заключенных, и потому лес, заготовленный руками заключенных, доставлялся ими только до пристани, на пристань же его ввозили «вольные», которые и грузили пароходы. Рабочих не хватало, происходили задержки с погрузкой, иногда приходилось выплачивать за простой судов больше, чем выручалось за проданный лес, но пускать заключенных на пристань все же не разрешалось. — Когда «мы» грузили, — злорадствовали гепеусты, — простое у нас не было» (Чернавин В. В. Указ. соч. С. 230); о погрузке леса на иностранные суда силами заключенных упоминалось до скандала в заметках лагерной прессы (См., напр.: На Чупинской пристани // Новые Соловки. №28. 28 июня 1930 г.).

США вскоре отменить эмбарго на импорт лесоматериалов из СССР, хотя на частном уровне бойкот нередко продолжался. Английское же правительство предложило провести обследование условий труда лесорубов. В начале 1931 г. такая инспекция, составленная из представителей английских профсоюзов, приехала осмотреть места лесозаготовок вдоль Мурманской железной дороги⁶⁹. Переполох в лагере, вызванный известием об этой ревизии, вспоминают сразу несколько мемуаристов. Михаил Розанов писал: «В разгар лесозаготовок, в начале 1931 года, по приказу ГПУ, с десятков командировок, расположенных вдоль линии Мурманской дороги, в один день исчезли все люди и лошади. На станциях спешно разобрали колючую проволоку и вышки вокруг лагерных построек. Оказывается, ожидался проезд по железной дороге английской рабочей делегации. Местному начальству было приказано говорить иностранцам, будто пустующие постройки принадлежат карельским лесным трестам, что заключенных тут нет, и что они работают на очистке трассы Беломорско-Балтийского канала. К нам с закрытых командировок тоже прислали партию в пятьсот человек. Но не прошло и недели, как всех их затребовали обратно. Опасность миновала – англичане уже вернулись в Москву, ничего не заметив. Снова появилась колючая проволока, а за нею – заключенные»⁷⁰. Владимир Чернавин застал этот момент в самом начале своего лагерного срока. Находясь в карантинной роте в Кеми, он был свидетелем прибытия огромной массы лесорубов с эвакуированных таким образом командировок: «Крестьяне с увлечением рассказывали нам о панической спешке, с которой производилась эта ликвидация. На «командировку», закинутую далеко в лесу, приезжал нарочный на лошади, передавал распоряжение начальнику и сейчас же ехал дальше, на следующую. Тут же отдавался приказ немедленно бросать работу, ломать бараки, ломать все, что только можно уничтожить. Особенно тщательно ломали карцеры, караульные вышки, срывали ограду из колючей проволоки. В бревенчатых бараках, которые быстро уничтожить было трудно, сострегивались все надписи, которые любят делать заключенные, срывались все лагерные объявления, приказы, плакаты. Все, что можно — сжигалось. Специальный агент ГПУ проверял, не осталось ли признаков, по которым можно установить, что здесь работали заключенные, а не вольные лесорубы. Затем, не обращая внимания, день ли, ночь ли, заключенных гнали из леса к железной дороге. Спешка и паника были такие, что многие думали, будто объявлена война и что

---

⁶⁹ История внешней политики СССР... С. 257–258.

⁷⁰ *Розанов М. М.* С. 32–33. На момент описываемых событий Михаил Розанов работал счетоводом на одной из командировок и знал о происходящем гораздо больше рядового заключенного. Основная масса людей лишь догадывалась о причинах спешного свертывания командировки и восстановления ее через некоторое время. Пример такого непонимающего взгляда изнутри – воспоминания Михаила Корнилова. Он подробно описал спешную эвакуацию Чупинской командировки и уничтожение всех характерных признаков лагеря и надписей «УСЛОН», однако смысл этих действий остался ему непонятен: «Мы начали гадать между собой, что, должно быть, возникла опасность войны или, видимо, в Соловецкие лагеря должна прибыть иностранная комиссия. В таком положении мы целую неделю жили в Чупе... Дней через десять все, кто был в командировке, вернулись обратно. Опять стали работать, как работали раньше. Только потом мы поняли, что это были маневры, чтобы перестрелять бунтовщиков» (*Корнилов М. Ф.* Указ. соч. С. 138–139).

всех гонят подальше от границы, и хорошо, если по этому случаю совсем не ликвидируют»⁷¹. Несмотря на то, что после отъезда комиссии многие командировки были восстановлены, в целом было понятно, что продолжать работы в этом регионе опасно – ложь о них была слишком открытой. В марте 1931 г. Вячеслав Молотов в своем докладе на VI съезде Советов сделал официальное заявление: «на лесозаготовках, о которых так много пишут за границей, у нас теперь занято в этом сезоне 1.134 тыс. человек, при этом все они работают на условиях обычного свободного труда, и труд заключенных не имеет никакого отношения к лесозаготовкам»⁷². В течение этого года действительно большинство лесозаготовительных командировок вдоль Мурманской железной дороги было свернуто. Лесоповал при этом остался одной из самых распространенных «специализаций» лагерей ГУЛАГа, просто отныне они прятались гораздо дальше в глубине материка, и узнать о них никто не мог... В советской же прессе с начала 1930-х годов была широко развернута кампания «перевоспитания трудом» заключенных на ударных стройках пятилетки – прежде всего на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Это была уже продуманная информационная политика, сочетавшая маскировку и подспудное оправдание факта использования подневольной рабочей силы.

Рассмотренный краткий эпизод истории ГУЛАГа – по сути, первых его шагов – очень показателен как в деталях, так и в особенностях своего завершения. Именно тогда в полной мере произошло самосознание преступности принципов, на которых выстраивалась едва сформировавшаяся пенитенциарная система. И привело оно не к попыткам их исправления, а к сознательному сокрытию. Это был первый шаг к засекречиванию всей системы лагерей, которое произойдет несколько лет спустя. Первый эпизод, подлежавший обязательному забвению – уничтожению памяти о местах, событиях, людях. Тем важнее сейчас вернуться к этой изначальной, спешно затертой странице, за которой последовало еще много страшных лет и кровавых историй.

---

⁷¹ Чернавин В. В. Указ. соч. С. 231.

⁷² Доклад предсовнаркома т. Молотова VI-му Съезду советов // Известия ВЦИК СССР. 11.03.1931 г.